

Все города, которые видели, кажутся ненастоящими

Заметки об эвакуации: из дневника, написанного на крыше вагона поезда

“19-е марта 1942 г. Итак, мы едем. Настал долгожданный день эвакуации. Ровно в 12 дня мы были на Финляндском вокзале. Мы волновались, мы торопились. Но можно было бы и

гораздо спокойнее чувствовать себя. На вокзале мы получили сухой паек: 1 кг хлеба и обед, состоящий из лапши с колбасой и 150 г хлеба. Подзаправились немного и начали грузиться в пригородный поезд и покинули Ленинград часов в 12 ночи. Прощай, Ленинград!”

Ленинград часов в 12 ночи. Прощай, Ленинград!”

9-е апреля. Рано утром приехали в Сталинград. Итак, из города Ленина в город Сталина... Городок приличный. Впервые увидела южные тополя. Погода прекрасная... Проезжаем селения (очень много глиняных домиков, очень маленьких), ряды стройных тополей, даже видела верблюда в поле. Почва песчаная, изрытая оврагами и канавами. Лесов нет, почва бедна растительностью - редко мелкие кустарники. Едем быстро”.

“12-е апреля. Рассвет. Сильный туман и холодно. Минеральные воды. Из дверей виден местный вокзал, платформы. Целый день маневрируем по путям. В 8 вечера отправились на электричке в Пятигорск... все больше и больше хочется домой...”

“22-е августа. Стоим целый день. Так надоело ждать. Я думала, что это на поезде так все останавливается, а вот и на корабле сидим - и ни с места. Но на берег сойти нельзя. Очень волнует положение с продуктами. С нами едут Днепропетровский детский дом и испанские дети. Они устроили концерт. Ходили туда и сюда... все не так скучно...”

“30-е августа. Обещали из Красноводска увести скоро, но простояли 4 дня”.

“2-е сентября. Переезжаем р. Амударья. Широкая-широкая, но мелкая и по содержанию ила первая речка в мире. Вода очень мутная. Немного дальше кончается Туркменская ССР и начинается Узбекская. Узбеки много симпатичнее туркменов: гораздо лучше на лицо, костюмы намного лучше и много из них красивых девушек и парней. Места стали тоже отраднее: много арыков, растет рис и хлопок”.

“8-е сентября. Ташкент, сидим на своих рюк-

им. М.Н.Покровского)”.

“21-е сентября. В 12 часов состоялось собрание студентов, профессорско-преподавательского состава и местных властей. Это было какое-то особенное собрание, так горячо все выступали, читали стихи, что большинство сидело и плакало. И действительно - столько пережито, эта вся дорога...”

“5-е декабря 1942 г. Как страшно было давать первый урок! Правда, подготавливалась я тоже не идеально, но конспект написан был хорошо. Шла на урок, нужно было ставить опыты, а я даже эти опыты сама не проделала, перед самым уроком растерялась окончательно. Звонок. У меня куча ассистентов. Они притащили все что надо. Вхожу в класс, что-то стало страшно и я ушла из класса, прибежала в учительскую, а там на столе - банка с углемедной солью, как будто для меня оставлена. Схватила ее и в класс. Ну, ничего. Волновалась здорово, но со стороны, говорят, не очень было заметно. В каких условиях приходилось давать практику: ни спиртовки, ни держалки, ничего нет. Вместо спиртовки - драный чайник с углями, смех и горе. Но урок прошел ничего. На втором уроке чувствовала себя как дома... Школьная практика кончилась. С этого времени мы ничего не делали. Приехал Верховский, сдавать выпускные экзамены будем ему”.

“9-е января 1943 г. Вот и выпускной вечер прошел. Против всех ожиданий удался хорошо. Все остались довольны. Было весело, настроение у всех было хорошее, приподнятое, чувствовалась единая семья, были замечательные выступления профессоров, читали стихи. Жаль только, что мне мало пришлось

*Вновь будет звон ручьев хрустален,
Светла высоких зорь гряда,
И, сбросив рубища развалин,
Помолодеют города.*

*По площадям ровня зданья
Чтоб виден был времен полет,
Все наши скорби и страданья
Художник в бронзу перельет.*

*Актер с подмостков театральных
Расскажет нам самим о том,
Как на путях-дорогах дальних
Мы вспоминали отчий дом.*

Пусть, слушая иные звуки,

“19-е апреля. Сегодня месяц, как мы покинули Ленинград. Только сейчас начинаешь думать о нем по-настоящему и жалеть. Все города, которые мы видели, кажутся нам ненастоящими, какими-то маленькими. А как много мы не посмотрели в Ленинграде! Всегда говорили, что потом успеем, а потом, может быть, там больше и не бывать... Отправились на рынок... Прошли толкучку. Цены бешенные! Туфли стоят 800-1000 руб., расческа эстонская - 150 руб., простая белая косыночка - 40 руб.” (стипендия составляла 185 рублей).

“2-е мая 1942 г. С утра обычные хлопоты: магазин, столовая. Спешу в Кисловодск на торжественное заседание институтов, эвакуированных из Ленинграда. Шура идти не хочет (капризы ее не новы). В театре понравилось. На торжественном заседании написали письма т.Сталину и т.Жданову. Вспоминали Ленинград, хотя и страшно там было, но вспоминается с удовольствием. Художественная часть представлена терскими казаками и ленинградскими артистами. Концерт понравился”.

“13-е июня... начали заниматься. Занятия, правда, проходят в несколько необычных условиях: занимаемся в школе, преподавателей мало, совсем нет книг, нет бумаги. Студентов 3-го курса отправили на сельхозработы”.

“5-е августа. И вот опять неожиданная перемена - эвакуация. Еще вчера все было спокойно: занимались, ходили на лекции, смотрели “Богатую невесту”, собирались в театр... А сегодня в 4 утра прибежали из канцелярии института и сообщили о немедленной эвакуации. В 6 утра уже были в школе на собрании”.

“12-е августа. Прибыли в Махачкалу. Вообще-то город ничего, но нехорошие с ним связаны воспоминания. Большую часть времени провели на территории Дагестанского педагогического ин-та, в саду и в общежитии”.

**Чем те, что нам дала война,
Прочтут в названьях улиц внуки
Героев наших имена...**
Николай Рыленков

заках. Чем отличается Ташкент, так это изобилием воров и жуликов. Тянут прямо из-под рук. Ночью приходилось дежурить”.

“11-е сентября. Есть кое-какие надежды на то, что скоро уедем. За это взялся Гальперин. В этот день удалось разжиться обедом, набрать 12 талонов. Сходили на рынок, там погадали у слепого старика, потом сфотографировались в моментальной фотографии (обуви не было, ходили по городу и ездили в трамвае босиком). В трамвае очень интересно: никогда не дают сдачи, а билет дают когда хотят”.

“19-е сентября. Кыштым. Погода - типичная наша осень. Город напомнил “Мышинск”. Асфальтированных улиц нет. Все недалеко - рынок, почта, столовая и кино. Театра нет. Есть два памятника - Сталину и Ленину. Есть фонтан. Очень много озер”.

“20-е сентября. Поселили нас в общий зал, туда же поселили “покровцев” (студентов из ЛГПИ

стали. Жаль только, что мне мало пришлось послушать эти выступления, т.к. была занята хозяйственными делами на кухне. Да, надолго запомнится этот вечер, а, главное, еще и потому, что он был отличительный от всех вечеров: разве забудешь эти глиняные миски, деревянные ложки, кровяные котлеты, картофельное пюре и грибы, полстакана вина и приятную компанию с профессорами, к которым так привыкли, что держали себя свободно. Покружились вдоволь под гармошку. Впечатление осталось от вечера хорошее. И сегодня получили деньги на заводе, на котором подрабатывали и что-то такое намечилось насчет валенок, но когда уедем - неизвестно”.

*Из дневника, написанного на крыше вагона
поезда “Ленинград-Кыштым”
студенткой 2-го курса
химического отделения
Тамарой Чистяковой*

На снимке: Т.Чистякова с подругами по пути в эвакуацию.

По-прежнему в строю

Герценовцы - работники тыла

Гурина Татьяна Львовна - доцент кафедры зарубежной литературы
Епишин Егор Дмитриевич - доцент кафедры социально-правовых дисциплин
Родичев Григорий Иванович - гардеробщик 1-го корпуса
Талантова Таисия Федоровна - зав.складом
Филина Екатерина Павловна - вахтер 20-го корпуса
Чуева Валентина Михайловна - вахтер 5-го корпуса
Липник Владимир Наумович - доцент кафедры педагогики
Шапошникова Мария Николаевна - старший лаборант ФПК